

УДК 82(569.4)

Е. Н. Бескровная

ВУЗ «Международный гуманитарно-педагогический институт «Бейт-Хана»

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ТАНАХА В ТВОРЧЕСТВЕ
ЛЮДМИЛЫ НЕКРАСОВСКОЙ**

Розглянуто трансформацію ТаНаХа, а разом з ним і Тори, на прикладі сучасних респонсів, методом «пілпул-хілукім». Досліджено сюжетну канву у віршах Некрасовської як на прикладі Агадичного Мідрашу, так і Вавілонського Талмуду.

© Е. Н. Бескровная, 2015

Для творчості Некрасовської характерна жіноча тема в поетичному перекладі Старого Заповіту. Це добре видно на прикладі віршів «Брат мой, Каин», «Девора», «Мелхола».

Проте головною особливістю творів Некрасовської є звернення до образу Матері Марії, яку поетеса порівнює із сучасною жінкою. Крізь твори Некрасовської проходить зв'язок західноєвропейської та біблійної культур, який звертає усі народи світу у бік Єрусалиму.

Ключові слова: трансформація Тори, Вавилонський Талмуд, Біблія, російсько-єврейська література, трансформація жанру.

Рассмотрена трансформация ТаНаХа, а вместе с ней и Торы на примере современных респонсов, методом «пилпул-хилуки». Исследована трансформация, сюжетной канвы как на примере Агадического Мидраша, так и Вавилонского Талмуда.

Для творчества Некрасовской характерна женская тема при поэтическом переводе Ветхого Завета. Это просматривается в стихотворениях «Брат мой Каин», «Девора», «Мелхола».

Но самой главной особенностью произведений Некрасовской является обращение к образу Матери Марии, которую поэтесса связывает с современной женщиной. Происходит слияние западноевропейской и библейской культур, которое обращает все народы мира в сторону Иерусалима.

Ключевые слова: трансформация Торы, Вавилонский Талмуд, Библия, русско-еврейская литература, трансформация жанра.

Transformation of Tanah is the one of the important and interest problem in the World Hebrew Literary. He is including development literary genre and formation lines of subject in the genre.

The transformation of Tanah is influenced in the Hebrew and World Literary. He is to rouse the many question and formatted genre characteristic in the creative works of writer in the Christianity culture.

The transformation of Tanah and the Torah is the one of the principal stage in the development of Word artistic culture. From the point of view the development the World literary subject of Bible play the first role in the creative works of writer.

In other day in the Modern Hebrew Literary in Ukraine transformation Torah and Tanah in the levels of response we are looking in the creative works of Ludmila Necrasovskaya (Dnepropetrovsk, Ukraine).

In the article «The transformation the Tanah in creative works of Ludmila Necrasovskaya» we are looking in the transformation Torah for example the Modern response from the method «pilpul-hilukim». We are looking in the creative works of the Ludmila Necrasovskaya from the position transformation the Agadical Midrah and Babylonian Talmud.

The creative works of Ludmila Necrasovskaya to be characterized women theme in the poetic transformation the Old Testament. This is theme we are looking in the creative works «Брат мой, Каин», «Девора», «Мелхола».

The first theme of the creative works of Ludmila Necrasovskaya is the theme of Mother Marie, were the poet to connected modern women and Mother Marie. This is the fusion between European culture and Bible culture, what is bringing other peoples to the Jerusalem.

Keywords: the transformation Tanah, Babylonian Talmud, Bible, Russian-Hebrew Literary, the transformation of the genre.

Трансформація ТаНаХа, також як і трансформація Торы – один из главных этапов в развитии мировой художественной литературы. С точки зрения истории развития Библии через всю мировую литературу проходят сюжеты Ветхого и Нового Завета, и их изменения мы находим как на уровне непосредственно сюжетной композиции, так и на уровне образной системы в литературном произведении.

На сегодняшний день в современной еврейской литературе Украины одну из самых ярких современных трансформаций Торы на уровне респонсов мы находим в творчестве днепропетровской поэтессы Людмилы Витальевны Некрасовской.

Творчество этой поэтессы очень своеобразно, и на сегодняшний день – одно из самых изучаемых в современном научном мире. Среди научных работ в данной области и статья «Сестра моя жизнь» профессора Днепропетровского национального университета им. О. Гончара Т. Н. Потницева [5], статья доцента, кандидата филологических наук преподавателя Дрогобычского университета А. Труханенко «Сказание о стихах красивых, добрых, светлых» [8], статья доктора философских наук председателя ассоциации религиоведов Днепропетровской области М. Мурашкина [3]

Задачей нашего исследования является проследить процесс трансформации ТаНаХа, а вместе с ним и Торы, на примере современных респонсов, методом «пилпул-хиллуким». Мы также исследуем трансформацию сюжетной канвы в стихах Некрасовской как на примере Агадического Мидраша, так и Вавилонского Талмуда.

Хотя в творчестве Некрасовской нет четкой хронологии Библии, как в творчестве С.Г. Фруга, нам бы хотелось дать литературоведческий анализ ее произведений именно в этом ключе.

На наш взгляд, наиболее ярким произведением Некрасовской является ее последнее стихотворение «Брат мой, Каин», которое трансформирует не только Ветхий Завет, но и обращается к проблеме Авраама и Исаака, изложенной как в Агадическом Мидраше, так и в Вавилонском Талмуде. Четко следуя за сюжетом трактата Брашит о Каине и Авеле Вавилонского Талмуда, поэтесса тем не менее вводит элемент трактата о Аврааме и Исааке:

Но в поступках моих
 не найдешь заурядного зла,
Я во славу Творца
 преуменьшить решил поголовье,
Поднося небесам
 в виде жертвы степного козла,
Кровь людскую навек
 заменяя козлиною кровью.
Нашим детям теперь
 не бывать принесенными в дар. [5, с. 35]

Этот же элемент гуманизма и преданности человеку мы находим и в творчестве любимого поэта Некрасовской Иосифа Бродского:

«Пойдем же, Авраам, в твою страну,
где плоть и дух с людьми – с людьми родными,
где все что есть, живет в одном плену,
где все что есть, – стократ изменит имя [1, с. 37]

Тема гуманизма в стихотворении Некрасовской «Брат мой, Каин» несет на себе элемент всепрощения, которым наполнена Библия.

В целом в творчестве Некрасовской мы наблюдаем движение от Жреческого кодекса Библии к Агадическому Мидрашу и от него к Вавилонскому Талмуду. И этот фактор четко прослеживается по сборнику «Сны Иосифа», который вышел в Днепропетровске в 2009 году.

Этот сборник также построен по библейскому принципу Жреческого кодекса и для нас становится очевидным, что в своих поэтических изысканиях поэтесса все-таки стремится сохранить приверженность хронологии Жреческого кодекса Библии, но очень часто нарушает его. Сборник открывается стихотворением «Мелхола». В целом, читая это произведение, мы видим, что перед нами прохо-

дит именно гендерная тема поэзии Некрасовской: тема женщины, страдающей от библейской традиции хасидизма и пытающейся перебороть себя и свой страх. Эта же женская тема звучит и в произведении «Дебора», но здесь автор показывает, с одной стороны, женщину, а, с другой – полководца, опираясь непосредственно на первое произведение Библии с исторической точки зрения «Плач Деворы»:

Из веры чистого колодца
Хлебнуть безмерной глубины,
Быть женщиной и полководцем,
Судьей и символом страны.
Ведя, верша и вдохновляя,
И страх на дне души скрывать,
Ведь я совсем не понимаю
Того, как нужно воевать,
Но, продолжая улыбаться,
Многозначительно молчу.
О, как мне хочется прижаться
К мужскому сильному плечу!
Я б этой радости вкусила
Так, чтоб вовек не позабыть!
Хоть раз, Господь, даруй мне силы
Девичью слабость проявить,
Позволь мне в сомне дел бурлящем
Постигнуть мира благодать,
Где проигрыш для женщин слаще
Мужского счастья побеждать. [4, с. 15]

Некрасовская очень серьезно подходит к переложению на язык поэзии библейского текста. Особенно удачным является подход автора к поэтическому переложению легенды Ветхого Завета о Иакове и Иосифе:

Когда б ты знал, Господь, насколько жизнь тосклива!
Как трудно одолеть непониманья боль,
Предательство родных сносить и терпеливо
Им предлагать в ответ прощенье и любовь!
Я выхлебал до дна всю чашу унижений,
Хотя Твоя печать сияла на челе.
Шептались за спиной? Бесспорно Божий гений
Из рабства приводил к величью на Земле.
С кем душу отогреть в семье и на чужбине?
Я не обрел друзей, поднявшись над толпой.
Ты мне дарил любовь – великую святыню.
И с нею одинок и на тропе земной!
Но вопреки всему не опускаю очи:
Немыслимых вершин достиг простой пастух.
Пусть чуждую жену зовут Царицей ночи.
Зато в сынах моих и кровь моя, и дух! [4, с. 20]

Этот же элемент страданий Иосифа мы находим и в книге Томаса Манна «Иосиф и его братья», где тема верности еврейскому народу сравнивается на уровне веры и приводит автора в конечном итоге к рациональному познанию мира: «Знаменитое его целомудрие было отнюдь не следствием его обделенности, наоборот, оно основывалось на том, что мир и его, Иосифа, взаимоотношения с ним были пронизаны духом любви, на вселюбленности, которая тем более заслуживала столь емкое наименование, что не останавливалась у границ земного, а каким-то привкусом, какой-то нежной примесью, какой-то неуловимой, скрытой

подоплекой входила в любую, в том числе и в самую трепетную, самую священную сферу.» [2, т. 2, с.176]

Что касается Некрасовской, то с точки зрения гендерной поэзии она четко следует за сюжетом Агады в хасидизме и, фактически, вслед за Томасом Манном ставит своего героя в положение человека, покорного Богу. Эта хасидская точка зрения и раскрывает смысл поэзии Некрасовской.

И заплакал Иосиф, и тотчас врачам повелел он,
Чтобы тело отца бальзамировать стали скорей.
Но прошло сорок дней прежде чем завершилось их дело,
И над ним египтяне проплакали семьдесят дней.
Но дни плача прошли, и Иосиф сказал фараону,
Что как любящий сын умиравшему он обещал
В Ханаан отнести его, где старика похоронят,
И просил отпустить его, чтобы он слово сдержал. [4, с. 66]

В поэме «Сны Иосифа» мы видим, что автор развивает библейский сюжет, фактически наполняя его новыми образами и новыми элементами сюжетной линии. Некрасовская в поэтическом прочтении библейского текста дополняет следующий сюжет Книги Бытия 47, 27–31, где на смену Завету Бога появляется человеческий фактор и именно он переходит, по мнению Некрасовской, в священный поклон «Дому Израилеву», где, с точки зрения Фруга и религиозного сиониста Рава Кука, Человек поднимается над несчастьем и становится равным Богу, т.е. вступает с Ним в диалог:

Так и был он в Египте. Иосиф сто десять лет прожил.
Внуки с правнуками на коленях его подросли.
Перед смертью всем братьям поведал Иосиф, что Божьей
Волей смогут они из египетской выйти земли.
Бог ту землю им даст, о которой твердил неустанно
И взял клятву Иосиф с потомков Израиля всех,
Что останки его, уходя отнесут в Ханаан. И
Умер он. И его положили в Египте в ковчег. [4, с. 67]

У читающих поэзию Некрасовской создается впечатление, что каждый из ее образов наполнен женским чувством. Это хорошо видно на примере стихотворений «Рахиль», «Иезеркиль», «Жена Потифара», «Иаков». Но особенно ярко женственность мужских образов раскрывается в стихотворении «Иосиф», где философская категория «доброты» проходит сквозь проблему страданий человека и останавливается на толерантности и победе чувства долга перед человечеством, над индивидуальными вечными обидами:

Неужели они? И, похоже, меня не узнали,
Робко жмутся в дверях и мешки разложили у стен.
Долог лет караван. С той поры, как меня продавали,
Постарели они. Да и я изменился совсем.
Как тогда я вопил, пробудить в них отчаявшись братство!
Как я был одинок! Сколько боли с тех пор перевозмог!
Но страшила не смерть, а чужбина, предательство, рабство.
Хорошо, что в пути постоянно поддерживал Бог!
Как надменность тогда искажала родимые лица!
Но увиденный сон оказался реальным вполне.
Фараона слуге норовят до земли поклониться,
Чтоб от голода спас. А поклон их достанется мне.
Зло нельзя наказать, раскрывая при этом объятья.
Мне давно ни любовь, ни погибель семьи не нужна.
Но какие ни есть, а они – моя кровь, мои братья!
Это выше чем месть. Эй! Насыпьте пришедшим зерна. [6, с. 60]

Тема библейских мотивов постепенно у Некрасовской подходит к проблеме Нового Завета, в котором женская тема занимает одно из виднейших мест в образе Девы Марии, где трансформация Торы достигает своего апогея на уровне Нового Завета, в образе Иисуса Христа:

О любви я ее спросила,
Но ответила Божья Мать:
«Я ведь дитятко не любила,
Мне неведомо, что сказать.
Я законно иль незаконно,
Но мечтала любовь познать,
А не ликом святым иконным
Мир от мерзости заслонять.
Я хотела на этом свете
(Как представлю – бросает в дрожь)
Чтобы сын, как и должно детям,
На любимого был похож.
И моя нелегка судьбина.
Уж не знаю поймешь ли ты:
Проступили в лице у сына
Незнакомые мне черты.
И все ходят и ходят люди,
Плачут, молятся предо Мной,
Но сама, как о высшем чуде,
Я прошу о любви земной. [4, с. 18]

Главной особенностью творчества Людмилы Некрасовской являются не только общечеловеческие мотивы Ветхого и Нового Завета, но и явное слияние библейского текста с текстом Вавилонского Талмуда, где красота библейского слова соединяет в себе приверженности христианско-православной и иудейско-хасидской традиции, о которой Самуил Шварц писал: ««Когда случайная гроза согнала его с дороги, и он, угрюмый и печальный, спешит укрыться в чашу под тень убогого дерева, – он вдруг останавливается под влиянием неожиданной встречи, то донёсся к нему звук, прилетевший сюда с юга, Бог весть каким путём соловья. Загремел степной напев Украины «с юной мощной силой» – и заглушил рёв грома и бури.» [7].

При этом трансформация библейского текста движется по схеме:

Но главная суть произведений на библейские мотивы заключена в общеизвестном понятии; «...и то, что прилежный ученик выведет перед своим учителем, было уже сказано Моисею на Синае.». Но Некрасовская в то же время отступает от норм иудаизма, вводя в поэтический сборник «Сны Иосифа» и образ Девы Марии, который она связывает с современной женщиной. Это слияние западно-европейской и библейской культур обращает все народы в сторону Иерусалима.

Библиографические ссылки

1. Бродский И. Малое собрание починений / И. Бродский. – СПб. : Азбука-классика, 2010. – 876 с.
2. Манн Т. Иосиф и его братья / Т. Манн. – М. : Худож. лит., 1968. – Т. 2. – 719 с.
3. Мурашкин М. Опыты об Иосифе / М. Мурашкин // Некрасовская Л. Сны Иосифа. – Кривой Рог : «Планета Кривбасс», 2009. – С. 157.
4. Некрасовская Л. Сны Иосифа / Л. Некрасовская. – Кривой Рог : «Планета Кривбасс», 2009. – 132 с.
5. Некрасовская Л. Брат мой Каин / Л. Некрасовская. – Днепропетровск : Акцент П.П., 2014. – 126 с.
6. Некрасовская Л. Сотворение мифа / Л. Некрасовская. – Днепропетровск : РВА «Дніпро VAL», 2007. – 132 с.
7. Поэзия С. Г. Фруга / [статья С. Шварца], вырезка из газеты, ЦГАЛИ, собрание Попова. – Ф. 837, оп. 2, ед. хр. 1468.
8. Труханенко А. Сказание о стихах: красивых, добрых, светлых / А. Труханенко // Некрасовская Л. До, Ре, Ми / Л. Некрасовская. – Днепропетровск : Журфонд, 2006. – С. 93–97.

Надійшла до редколегії 08.02.2015 р.